

М.Е. Бойко

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕДУКЦИЯ: ХАРАКТЕРЫ АКТОРОВ В ФАКТУАЛЬНОМ И ВЫМЫШЛЕННОМ ДИСКУРСАХ

Аннотация. В статье дается логическое обобщение термина «характер», позволяющее применять его не только к людям, но и к актерам — как фактуальным, так и вымышленным. Очерчивается новая исследовательская область, которую предлагается называть «характерологией актеров». Закладываются основы структурно-герменевтического анализа характеров актеров. Доказывается, что в каждой процедуре определения характера человека как необходимый этап присутствует характерологическая редукция, т. е. сведение динамичного многообразия характерологических признаков человека к статичному дискретному набору, зафиксированному в некотором повествовании. Новый подход проливает свет на природу и функции характерологической редукции. Сколько бы дискретных характерологических признаков мы не выявили с помощью формализованных и малоформализованных методик — это исчезающе малая капля в бездонном океане. Континуальное характерологическое содержание ускользает от самого тщательного дискретного анализа и от описания на естественном вербальном языке. Посредством характерологической редукции преодолевается логический разрыв между дискретным и континуальным.

Ключевые слова: психология, актер, диагностика характера, герменевтика, психодиагностика, психодиагностические методики, структурализм, характер, характерологический признак, характерология актеров.

Повсюду в данной статье мы используем термин «актер» (А.Ж. Греймас) вместо термина «персонаж». Это связано с тем, что в качестве актеров в вымышленном дискурсе могут выступать не только диегетические¹ люди, но и диегетические места, предметы и даже абстрактные понятия². Это может быть зверь (конвойная собака в повести Г.Н. Владимова «Верный Руслан»), небесное тело («Задумывая черные дела, на небе ухмыляется луна» в песне группы «Агата Кристи»), геометрическая фигура (Квадрат в романе Эдвина Эббота «Флатландия»), предмет (электрическая лампочка по имени Билли в романе Т. Пинчона «Радуга гравитации»), инопланетный океан (Солярис в одноименном романе Станислава Лема и фильме А.А. Тарковского) и т.д.

¹ Слово «диегетический» в значении «изображенный в произведении» ввел в употребление французский теоретик кино Этьен Сурио. См.: *Vocabulaire d'esthétique* / Ed. A. Souriau. Paris, 1990. P. 581.

² Мартин Б., Рингхэм Ф. *Словарь семиотики*. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 37-38.

Кроме того, следуя Вольфу Шмиду, мы различаем 1) повествовательные нарративы, доносящие информацию в нарративной форме посредством повествователя (устные и письменные мифы, легенды, баллады, рассказы, романы, анекдоты, сказки и т.д.), и 2) миметические нарративы, доносящие информацию в нарративной форме без посредства повествователя, но с помощью «подражания» (иконических знаков)³.

1. Характер автора, повествователя и актора

Вообще говоря, проблема характера в фактуальном и вымышленном дискурсе имеет три важных аспекта:

1) идентификация характера автора по созданному им произведению;

2) идентификация характера повествователя в повествовательном нарративе (в миметических нарративах повествователь отсутствует);

³ Шмид В. *Нарратология*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 21.

3) идентификация характера актора, фигурирующего в некотором произведении.

Указанные три аспекта проще анализировать, рассмотрев сопряженные с ними три вопроса:

1) существует ли произведение, не дающее никакой информации о характере его автора?

2) существует ли повествовательный нарратив, не дающий никакой информации о характере повествователя?

3) существует ли художественное произведение, не дающее никакой информации о характере какого-нибудь его актора?

Ответ на первый вопрос звучит так: строго говоря, по произведению можно реконструировать не характер автора, а характер так называемого *подразумеваемого автора* (implied author). Характер подразумеваемого автора может очень сильно отличаться от характера действительного автора, если тот сознательно ставит целью запутать реципиента произведения.

Доказательство: действительный автор с характером C1 может скомпоновать произведение W из фрагментов произведений, созданных человеком с другим характером C2. В этом случае на основании W можно реконструировать характер подразумеваемого автора (C2), который не совпадает с характером действительного автора (C1). Что и требовалось доказать.

Но в тех случаях, когда не было установки запутать реципиента, характер подразумеваемого автора, реконструированный на основе произведения, может быть очень близок к характеру действительного автора. Это имеет огромное прикладное значение в таких сферах, как криминалистика, психологическое литературоведение⁴, психотерапия⁵ и т.д.

Ответ на второй вопрос звучит так: отобранный материал, использованные лексические и образные средства всегда содержат какие-то сведения о характере повествователя — даже если это недиегетический безличный повествователь. Правда, Шмид полагает, что повествователь «может быть также безличным носителем какой-либо оценки, например, иронии по отношению к герою, и не быть наделенным какими-нибудь индивидуальными чертами»⁶. На это можно возразить, что,

во-первых, оценка, например, ирония по отношению к герою, — это уже некоторая индивидуальная черта, т. е. характерологический признак. А во-вторых, то обстоятельство, что рассказываемая история заинтересовала повествователя, запомнилась ему и побудила к повествованию, также является характерологическим признаком.

Вопросы об идентификации характеров авторов и повествователей в целом находятся за рамками настоящего исследования. Далее мы займемся третьим аспектом, а именно — идентификацией характеров акторов в фактуальном и вымышленном дискурсах. Данную область исследований мы предлагаем называть «характерологией акторов».

2. Существование характера у актора

Но если мы вводим новую область исследования, которую предложили называть «характерологией акторов», то первым делом мы должны доказать ее существование, т. е. существование характеров у акторов в фактуальном и вымышленном дискурсах. И здесь возникает серьезная проблема. Дело в том, что у вымышленных акторов нет референтов и психики вне диегетического мира. Это означает, что не выполнено условие *sine qua non* психологического подхода и распространение на вымышленных акторов термина «характер» связано с логическими трудностями.

Но не лучше обстоит дело и с фактуальными акторами. В самом деле, согласно распространенному определению, характер представляет собой «целостный и индивидуальный склад душевной жизни человека, ее тип, “нрав” человека, проявляющийся в отдельных актах и состояниях его психической жизни, а также в его манерах, привычках, складе ума и свойственном человеку круге эмоциональной жизни»⁷. По определению фактуальные акторы всегда имеют прототипов. Очевидно, что процитированная дефиниция характера применима только в отношении прототипов, но не фактуальных акторов.

Часто можно слышать, что существующие (или существовавшие) люди, включая авторов текстов и прототипов акторов, естественно, имеют (или имели при жизни) какие-то характеры, но о характерах акторов как таковых можно говорить разве что в каком-то метафорическом смысле.

Мы полагаем, что это затруднение преодолимо. Докажем, что, определяя характер живого человека,

⁴ См., например: Руднев В.П. Характеры и расстройства личности: Патография и метапсихология. М.: Класс, 2002.

⁵ См., например: Шапиро Д. Невротические стили. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1998.

⁶ Шмид В. Нарратология. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 16.

⁷ Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984. С. 6.

Методики диагностики характера

1. Заочные малоформализованные методики диагностики характера (например, контент-анализ)	3. Очные малоформализованные методики диагностики характера (например, наблюдение и беседа)
2. Формализованные методики диагностики характера (например, тесты и опросники)	

мы всякий раз сводим эту задачу к определению характера фактуального актора, описанного в некотором повествовании.

Разделим множество всех существующих методик диагностики характера на формализованные и малоформализованные⁸, а малоформализованные — на очные и заочные.

В первом случае, характер человека определяется на основе некоторой совокупности документальных или устных свидетельств об отсутствующем человеке, а также продуктов его деятельности (контент-анализ). А поскольку такие источники могут содержать неясности, «пробелы», метафоры и противоречия, такой анализ ничем не отличается от анализа характера фактуального актора в некотором повествовании.

Во втором случае применяется какой-то набор из великого многообразия разработанных к настоящему времени тестов, опросников, проективных и психофизиологических методик. Но такого рода методики сводятся к составлению некоторого повествования, по которому диагност делает заключение о характере испытуемого. Их можно разделить на три категории:

- с жесткими ограничениями (бланковые, предметные, аппаратные и компьютерные тесты, при выполнении которых испытуемый сильно ограничен в вариантах ответа);
- с мягкими ограничениями (например, автобиография, опросники, в которых тестируемый человек ограничивается в теме, но не в форме ответа);
- с незначительными ограничениями (значительная часть проективных методик)⁹.

Результаты таких методик на практике преобразуются в набор высказываний от первого лица, т.

е. повествование испытуемого о самом себе, или в повествование от третьего лица, составляемое диагностом. Например, вопрос «Часто ли у Вас бывают резкие смены настроения?» из теста Леонгарда-Шмишека¹⁰ преобразуется в высказывание «У меня часто (редко) бывают резкие смены настроения». Диагностируемый человек выступает в данном случае в качестве повествователя, а в повествовании — в качестве диегетического лица, а именно фактуального актора. Таким образом, формализованные методы диагностики характера также сводятся к определению характера фактуального актора в некотором повествовании.

Особняком стоят очные малоформализованные методы диагностики характера, такие как наблюдение и беседа. Казалось бы, в этом случае характерологическая диагностика осуществляется на основе опыта и интуиции диагноста без конструирования и анализа соответствующего человеку фактуального актора. Однако насколько можно судить по работам психологов, в ходе наблюдения или беседы они составляют в уме что-то вроде «новеллы» с диагностируемым человеком в качестве актора. Именно повествования подобного рода образуют дидактическую, дескриптивную и доказательную базу книг по характерологии и психологии характера.

Вот пример, взятый из книги А.Е. Личко:

«Юрий П., 16 лет. Вырос в дружной семье. Хорошо учился в английской школе до последнего класса. Отличался веселым нравом, общительностью, живостью, увлекался спортом, охотно участвовал в общественной работе, был председателем школьного клуба.

Последние несколько недель изменился. Без причины ухудшилось настроение, “напала какая-то хандра”, все стало валиться из рук, учиться стал с трудом, забросил общественную работу, занятия спортом, перессорился с товарищами. После занятий сиднем сидел дома. Иногда спорил с отцом,

⁸ Кибальченко И.А., Голубева Е.В. Психодиагностика: Учебное пособие с диагностико-квалиметрическим обеспечением. Ростов-н/Д: Феникс, 2009. С. 41.

⁹ Носс И.Н. Введение в технологию психодиагностики. М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. С. 68–79 (классификация психологических тестов).

¹⁰ Батаршев А.В. Типология характера и личности. М.: Изд-во института психотерапии, 2005. С. 85–95.

доказывая, что “в жизни нет правды”. Ухудшились сон и аппетит. В эти дни ему случайно попался под руку научно-популярный журнал со статьей о вреде онанизма. Так как сам тайком занимался мастурбацией, но ранее не придавал этому значения, теперь решил бросить, но обнаружил, что “не хватает воли”. Подумал, что его ждут “импотенция, сумасшествие и слабоумие”. В эти же дни в школе на общем комсомольском собрании был подвергнут товарищами суровой критике за развал общественной работы, которой ранее руководил. Один из одноклассников назвал его “плесенью общества”. На собрании сперва огрызнулся, потом смолк. Понял, что он — “неполноценный человек”. Возникла мысль о самоубийстве. Вернувшись домой из школы, выждал ночи и, когда родители уснули, принял 50 таблеток мепробамата. Оставил записку, где написал, что он — “духовно нищий человек” виноват перед школой и государством.

Из реанимационного центра был доставлен в подростковое отделение психиатрической больницы. Здесь в первые же дни состояние внезапно и резко изменилось, хотя антидепрессантов не получал <...>¹¹.

Большинство психологов сойдутся, что перед нами клиническое описание юноши с циклоидной акцентуацией характера. Но, если не знать источника этого текста, его можно принять за конспект какого-нибудь «романа воспитания» или синопсис кинофильма о советских подростках.

Различие между анализом характера актора и человека сглаживается еще и тем, что многие клиницисты излагают свои наблюдения в художественной манере. «Написанные Фрейдом истории болезней производят впечатление новелл, но однажды он заявил, что не считает это недостатком», — утверждал Отто Фенихель¹².

Таким образом, диагностика характера человека имплицитно или эксплицитно протекает в четыре этапа:

1) **живой человек → совокупность характерологических признаков;**

2) **совокупность характерологических признаков → характерологическое описание** (это может быть анализ свидетельств, результаты тестов, клиническое описание и т. д.);

3) **характерологическое описание → идентификация характера фактуального актора;**

4) **идентификация характера фактуального актора → идентификация характера человека.**

На первом этапе выделяются характерологические признаки — это может происходить посредством батареи тестов, наблюдения, бесед, изучения документальных источников, письменных и устных свидетельств. Затем диагност явно или неявно фиксирует эти характерологические признаки в некотором повествовании, называемом «характерологическое описание». Первые два этапа нами предлагается называть *характерологической редукцией*, поскольку все динамичное многообразие характерологических признаков человека сводится к статичному дискретному набору, зафиксированному в некотором повествовании.

Третий этап — это определение диагнозом характера фактуального актора по характерологическому описанию. На четвертом этапе этот характер отождествляется с характером человека.

Таким образом, процедура определения характера человека всегда включает в себя процедуру определения характера фактуального актора. А если определяется характер давно умершего человека, то эта процедура даже в деталях практически не отличается от процедуры определения характера актора в художественном дискурсе.

Теперь мы можем дать несколько дефиниций.

Df. *Характерологическое описание* — это некоторое сюжетное (например, автобиография) или бессюжетное (например, результаты теста) повествование в первом или третьем лице, в котором диагностируемый человек является главным фактуальным актором.

Df. *Характерологическая редукция* — более (например, в случае тестов с «ключом») или менее (например, в случае наблюдения и беседы) формализованная процедура сопоставления диагностируемому человеку характерологического описания.

Таким образом, если мы отрицаем существование характеров у фактуальных акторов, то мы не можем диагностировать характеры людей. В этом случае нам остается признать, что 1) у людей также не существует характеров или 2) человеческие характеры неопределимы и непознаваемы (таковы, например, интеллигибельные характеры в философии Канта¹³). В практическом отношении оба пути бесперспективны.

От противного мы заключаем, что если у людей существует характеры и их можно определить, то

¹¹ Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб: Речь, 2010. С. 77-78.

¹² Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический Проект, 2004. С. 26.

¹³ Кант И. Критика чистого разума, В585 // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 3. С. 425.

характеры существуют и их можно определить у акторов в фактуальных повествованиях, называемых характерологическими описаниями. А поскольку многие характерологические описания, как мы видели, практически неотличимы от художественных произведений, ничто не мешает нам говорить о характерах вымышленных акторов — по крайней мере, в художественных произведениях, похожих на характерологические описания.

3. Структурный анализ и герменевтическая спираль

Чтобы обобщить термин «характер» и сделать его применимым ко всем без исключения акторам, можно предложить логическую дефиницию «характера», которая не накладывает никаких ограничений на онтологический статус подпадающих под нее объектов.

Df. Характер — это логический класс, который включает людей, фактуальных и вымышленных акторов, обладающих данной совокупностью характерологических признаков $\{c_1, c_2 \dots c_n\}$.

Аналогичным образом переопределяются другие характерологические термины.

Df. Тип характера — это логический класс, который включает характеры, удовлетворяющие некоторому набору характерологических критериев $\{k_1, k_2 \dots k_n\}$.

Df. Характерологический критерий — некоторое условие, разбивающее множество характеров на два подмножества.

Df. Характерологическая система (типология характеров) — совокупность типов характера с соответствующими наборами характерологических критериев.

Бросается в глаза, что предложенный формализм содержит в себе *petitio principii* (предвосхищение оснований). В определении характерологической системы через дефиницию характера присутствует представление о характерологических признаках. Но распознавание характерологических признаков зависит от используемой характерологической системы.

Это верно, но в данном *petitio principii* есть точка разрыва, связанная с актуальной практикой характеролога. Диагност, изучающий характерологическую систему, сразу получает готовую совокупность критериев, которая при некотором навыке позволяет выявлять характерологические признаки в окружающих людях. Диагност, разрабатывающий новую характерологическую систему, сначала составляет интуитивное представление о типах, а затем пы-

тается подобрать к ним критерии. Иначе говоря, в характерологических исследованиях всегда есть «неспецифицируемый личностный коэффициент»¹⁴, который невозможно элиминировать.

Наличие *petitio principii* доказывает лишь, что из человека, не имеющего даже смутного представления о человеческих типах и возможных критериях, получился бы никудышный психодиагност.

Та же самая проблема существует при структурном анализе характеров акторов. Здесь мы сталкиваемся с проблемой герменевтического круга, которую Шмид описывает так: «<...> идентификация эквивалентности имеет своей предпосылкой выявление релевантных признаков; релевантность признаков же определяется лишь по их способности служить основой для раскрывающих смысл эквивалентностей. Но это не обязательно “порочный” круг. Он может быть разомкнут и преобразован в “герменевтическую спираль” по методу “проб и ошибок” (*trial and error*). Такой подход наметил в своей герменевтике еще Фридрих Шлейермахер, указавший на необходимость сочетания двух методов понимания смысла — “дивинации”, т. е. интуитивного постижения целого, и “конструкции” как рационалистической перепроверки интуитивного проекта»¹⁵. В этом смысле познание вообще представляет собой «медленные, зигзагообразные, самокорректирующиеся поиски истины»¹⁶, «не порочный круг, а процесс последовательного приближения»¹⁷.

К. Штирле обозначил эту проблему, как «структурально-герменевтический круг»¹⁸. Это означает лишь одно: структурный анализ характеров акторов в фактуальных и художественных произведениях на естественных языках должен производиться параллельно с герменевтическим анализом. При работе с произведениями на естественных языках из-за их полисемии, метафоричности и контекстной зависимости использование герменевтического метода заведомо неизбежно, так что более корректно было бы говорить о *структурно-герменевтическом* анализе. Если бы создатели фактуальных и художественных произведений перешли на контекстно-свободные искусственные

¹⁴ Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. С. 253.

¹⁵ Шмид В. Нарратология. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 246.

¹⁶ Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1967. С. 41.

¹⁷ Goodman N. Fact, Fiction and Forecast. London: Athlone Press, 1954.

¹⁸ Stierle K. Für eine Öffnung des hermeneutischen Zirkels // Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft. 1985. Bd. 17.

языки, лишенные недостатков естественных языков, можно было бы ограничиться структурным анализом. Тогда и только тогда идентификация характера актора превратилась бы в процедуру до конца формализуемую, с которой мог бы справиться запрограммированный конечный автомат. Поскольку множество характерологических признаков фактуальных и вымышленных акторов является конечным, можно допустить, что некоторая программа окажется способной распределить все элементы этого множества за конечное время по логическим классам, соответствующим типам характера. К сожалению или к счастью, но пока большинство фактуальных и вымышленных произведений создается на контекстно-зависимых естественных языках.

4. Зачем нужна характерологическая редукция?

Ответ на этот вопрос напрямую связан с другим вопросом. Чем отличается господин X, который сегодня, как обычно, ровно в 7:15 отправился на пробежку, от вымышленного актора в следующем тексте: «В этот день господин Y, как обычно, ровно в 7:15 отправился на пробежку»?

Господин Y (актор) отличается от господина X (человека) свойством, которое Миллер называет «онтологической неопределенностью»¹⁹. В самом деле, относительно господина X можно выяснить завтракал ли он перед пробежкой. Пропозиция «Господин X позавтракал перед пробежкой» либо истинна, либо ложна. Выяснить это можно, например, задав господину X прямой вопрос. Таким же образом обстоит дело с бесчисленным множеством других пропозиций относительно господина X.

Вообще любые нефиктивные (т. е. действительно существующие) объекты, за исключением, возможно, квантовых частиц, имеют свойство, что один из любой пары взаимоисключающих предикатов непременно должен быть им присущ. Или, как утверждал Иммануил Кант, «предмет чувств может быть полностью определен только в том случае, если он сопоставляется со всеми предикатами явления и поставлен посредством них утвердительно или отрицательно»²⁰.

Но позавтракал ли господина Y перед пробежкой? Как это выяснить, если мы располагаем только приве-

денным текстом? Конечно, мы можем вывести из этого текста целый ряд аналитических истин (тавтологий), например, «Господин Y — диететический мужчина» и т. д. Но, если исключить тавтологии, на большинство вопросов о господине Y мы не будем знать: приписать ли ему свойство P или свойство non-P. Надел ли господин Y шерстяные носки? Есть ли у него борода? Выпил ли он после пробежки пинту пива? Как уточняет Гектор-Нери Кастанеда: «...для вымышленных объектов характерна неполнота. Вымышленный объект существует именно в этом качестве, он не может обладать никакими другими свойствами, помимо тех, с которыми он был создан или воссоздан, которые были ему приписаны в акте создания или воссоздания. Правда, большинство художественных произведений исходят из молчаливой предпосылки, что человеческие существа, с которыми они имеют дело, являются в полном смысле слова человеческими существами. Из этого вытекает общее допущение, что человеческие существа из мира художественного вымысла обладают всеми стандартными человеческими свойствами. В то же время здесь остается некоторая неопределенность: не уточняется, например, оттенок кожи, точный вес или рост, точная длина пальцев рук или ног. Тем не менее <...> должно быть ясно, что вымышленный герой — даже в случаях наибольшего совпадения — это не просто реальная личность, лишенная частных и специфических черт или свойств. Вымышленные объекты остаются полностью нереальными, они занимают свою собственную, совершенно отдельную от действительного мира область»²¹.

Это справедливо не только в отношении литературы, но в отношении миметических нарративных форм, в том числе экранного и сценического искусства, поскольку не все свойства актера, а только некоторые, можно считать свойствами актера. Актер как человек онтологически определен, но актер, воплощаемый данным актером, все равно остается онтологически неопределенным.

Поскольку большинство свойств человека являются функциями времени, а время континуально, множество свойств живого человека имеет мощность континуума. Множество свойств актера в силу онтологической неопределенности всегда является конечным.

Обозначим какое-нибудь свойство актера Y в произведении W как P_Y . Это свойство является элементом множества всех свойств актера Y, которое мы обозначим $S_W(P_Y)$. Количество элементов множества

¹⁹ Миллер Б. Может ли вымышленный персонаж существовать на самом деле? // Логос. 1999. № 3. С. 108.

²⁰ Кант И. Критика чистого разума, В609 // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 3. С. 441.

²¹ Кастанеда Г.-Н. Художественный вымысел и действительность // Логос. 1999. № 3 (13). С. 73.

S , т. е. его *мощность*, традиционно обозначают $|S|$. Таким образом, для каждого актора Y , встречающегося в произведении W , существует натуральное число n , такое что $|S_W(P_Y)| < n$.

Какие именно свойства считать характерологическими признаками зависит от характерологической системы (типологии характеров), которую мы используем. Например, факт, что господин X обычно ровно в 7:15 отправляется на пробежку, является характерологическим признаком в типологии Карла Леонгарда, поскольку с большой вероятностью указывает на педантический характер. Но если мы используем бинарную характерологию Альфреда Адлера²², то этот факт сам по себе не является характерологическим признаком, поскольку привычка отправляться каждое утро в одно и то же время на прогулку не указывает ни на агрессивный, ни на дефензивный характер.

Аналогичным образом обстоит дело с господином Y (актером). В первом случае произведение о нем содержит один характерологический признак (указывающий на педантический характер), а во втором случае — никаких характерологических признаков.

Теперь мы можем ответить на вопрос о том, существует ли художественное произведение, не дающее никакой информации о характере какого-нибудь его актора. Актор может иметь определенный характер в одной характерологической системе и иметь нулевой характер (0-характер), т. е. не иметь никакого характера, — в другой.

Можно доказать, что множество характерологических признаков господина X , как и множество его свойств, имеет мощность континуума. Это связано с тем, что всякий живой человек обладает множеством характерологических признаков, которые, строго говоря, являются функциями времени: сегодня господин X около 14:25 был благодушен, а вчера в это же время — рассержен. Но время бесконечно дробимо.

Множество характерологических признаков фактуального или вымышленного актора, будучи подмножеством множества его свойств, конечно, поскольку конечное множество имеет только конечные подмножества.

Теперь мы можем понять, зачем нужна характерологическая редукция.

Во-первых, ни один психолог не может одинаково подробно проанализировать весь континуум характерологических признаков испытуемого. Любой отрезок этого континуума имеет характерологическое значение — даже какое-нибудь незначительное

движение. Как писал Готхольд Эфраим Лессинг: «<...> характер человека может обнаружиться и в самых ничтожных поступках; с точки зрения поэтической оценки самые великие дела те, которые проливают наиболее света на характер личности»²³.

Во-вторых, даже те характерологические признаки человека, которые мы схватываем, не являются застывшими во времени, — мы всегда имеем дело с совокупностью каких-то характерологических процессов, функций времени: $c_1(t), c_2(t) \dots c_n(t)$.

В-третьих, всегда существует проблема *скрытых* характерологических признаков, т. е. несметного количества вариаций человеческого поведения или мышления, которые крайне трудно или невозможно установить при внешнем наблюдении. Эту мысль интересно выразил на языке теории множеств В.Н. Дружинин: «Потенциальное множество личностных свойств и состояний психики значительно шире, чем те свойства, которые человек реализует в повседневном поведении»²⁴. И далее: «Поскольку множество психических состояний мощнее множества поведенческих состояний, то никакой идеальный эксперимент не может дать полную информацию о психике индивида, не говоря уже о реальном эксперименте»²⁵. Именно с этим связана важность *психологического литературоведения*. Как пишет Леонгард: «Ни наблюдения, ни беседы с людьми не помогают однозначно описать и определить упомянутые выше вариации. Зато их можно очень явственно представить себе, если посмотреть на человека изнутри. Именно такую возможность дают нам писатели»²⁶.

Вообще говоря, вся жизнь человека — один растянутый во времени *континуальный* характерологический признак. Сколько бы дискретных характерологических признаков мы ни выявили с помощью свидетельств, наблюдения, тестов и клинических бесед, — это исчезающе малая капля в бездонном океане. Континуальное характерологическое содержание ускользает от самого тщательного дискретного анализа и от описания на естественном вербальном языке. Посредством характерологической редукции преодолевается логический разрыв между дискретным и континуальным.

²³ Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: Академия, 1936. С. 36-39.

²⁴ Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М.: Институт психологии РАН, 1994. С. 122.

²⁵ Там же. С. 123.

²⁶ Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов-н/Д: Феникс, 2000. С. 37.

²² См.: Адлер А. Наука о характерах: Понять природу человека. М.: Академический Проект, 2011.

Список литературы:

1. Адлер А. Наука о характерах: Понять природу человека. М.: Академический Проект, 2011.
2. Барташев А.В. Темперамент и характер: Психологическая диагностика. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001.
3. Батаршев А.В. Типология характера и личности. М.: Изд-во института психотерапии, 2005.
4. Белянин В.П. Психологическое литературоведение: Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006.
5. Бунге М. Интуиция и наука. М.: Прогресс, 1967.
6. Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М.: Институт психологии РАН, 1994.
7. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994.
8. Кастанеда Г.-Н. Художественный вымысел и действительность // Логос. 1999. № 3 (13).
9. Кибальченко И.А., Голубева Е.В. Психодиагностика: учеб. пособие с диагностико-квалиметрическим обеспечением. Ростов н/Д: Феникс, 2009.
10. Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: Академия, 1936.
11. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д: Феникс, 2000.
12. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб: Речь, 2010.
13. Миллер Б. Может ли вымышленный персонаж существовать на самом деле? // Логос. 1999. № 3.
14. Носс И.Н. Введение в технологию психодиагностики. М.: Изд-во Института психотерапии, 2003.
15. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
16. Руднев В.П. Характеры и расстройства личности: Патография и метапсихология. М.: Класс, 2002.
17. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984.
18. Шапиро Д. Невротические стили. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1998.
19. Шмид В. Нарратология. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2008.
20. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический Проект, 2004.
21. Goodman N. Fact, Fiction and Forecast. London: Athlone Press, 1954.
22. Stierle K. Für eine Öffnung des hermeneutischen Zirkels // Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft. 1985. Bd. 17.

References (transliteration):

1. Adler A. Nauka o kharakterakh: Ponyat' prirodu cheloveka. M.: Akademicheskii Proekt, 2011.
2. Bartashev A.V. Temperament i kharakter: Psikhologicheskaya diagnostika. M.: VLADOS-PRESS, 2001.
3. Batarashev A.V. Tipologiya kharaktera i lichnosti. M.: Izd-vo instituta psikhoterapii, 2005.
4. Belyanin V.P. Psikhologicheskoe literaturovedenie: Tekst kak otrazhenie vnutrennikh mirov avtora i chitatelya. M.: Genезis, 2006.
5. Bunge M. Intuitsiya i nauka. M.: Progress, 1967.
6. Druzhinin V.N. Struktura i logika psikhologicheskogo issledovaniya. M.: Institut psikhologii RAN, 1994.
7. Kant I. Sobraenie sochinenii v 8-i tt. M.: ChORO, 1994.
8. Kastaneda G.-N. Khudozhestvennyi vymysel i deistvitel'nost' // Logos. 1999. № 3 (13).
9. Kibal'chenko I.A., Golubeva E.V. Psikhodiagnostika: Uchebnoe posobie s diagnostiko-kvalimetricheskim obespecheniem. Rostov n/D: Feniks, 2009.
10. Lessing G.E. Gamburgskaya dramaturgiya. M.; L.: Akademiya, 1936.
11. Leongard K. Aktsentuirovannyye lichnosti. Rostov n/D: Feniks, 2000.
12. Lichko A.E. Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov. SPb: Rech', 2010.
13. Miller B. Mozhet li vymyshlennyyi personazh sushchestvovat' na samom dele? // Logos. 1999. № 3.
14. Noss I.N. Vvedenie v tekhnologiyu psikhodiagnostiki. M.: Izd-vo Instituta psikhoterapii, 2003.
15. Polani M. Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoi filosofii. M.: Progress, 1985.
16. Rudnev V.P. Kharaktery i rasstroistva lichnosti: Patografiya i metapsikhologiya. M.: Klass, 2002.
17. Simonov P.V., Ershov P.M. Temperament. Kharakter. Lichnost'. M.: Nauka, 1984.
18. Shapiro D. Nevroticheskie stili. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 1998.
19. Shmid V. Narratologiya. 2-e izd. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008.
20. Fenikhel' O. Psikhooanaliticheskaya teoriya nevrozov. M.: Akademicheskii Proekt, 2004.